

Японская армия в Маньчжурии

по разработке проекта еврейского государства-поселения на территории Китая и многое другое⁴⁰.

Как показывают трофейные японские документы, из года в год увеличивались средства для ведения разведки против СССР. С 1 августа 1940 по 31 мая 1941 года расходы на эти цели только по центральному аппарату ИРУ КГВ (включая главную ЯВМ в г. Харбине) составили 43 620 гоби⁴¹, а всего по ИРУ и его периферийным подразделениям — 83 660 гоби. В июле 1941 года после принятия плана «Кантокуэн» расходы на ведение разведки были увеличены в несколько раз⁴². Командующий КГВ генерал-лейтенант Ё. Умэдзу разведывательно-диверсионное обеспечение плана возложил на начальника ИРУ генерал-майора Г. Янагиту, получившего соответствующий приказ также в июле 1941 года⁴³.

После несостоявшейся попытки вермахта сходу захватить Москву и выйти на рубеж Архангельск — Астрахань азиатская союзница Германии осознала — вступление в войну против своего северного соседа в 1941 году по «Кантокуэну» неблагоприятно. Нападение Японии на СССР летом—осенью 1941 года не состоялось не в результате сдерживающего пакта о нейтралитете, а вследствие провала германского плана «Барбаросса» и сохранения должного уровня обороноспособности советского Дальневосточного региона.

В свою очередь нацисты, чтобы подтолкнуть союзника к началу военных действий против СССР, предложили послу Японии в Берлине Х. Осиме совершить поездку по временно оккупированной советской территории. Ему должны были продемонстрировать успехи вермахта и достижения Германии в освоении ресурсов захваченных земель, тем самым убедив, что занятая германскими войсками территория удерживается прочно, а хозяйство этих районов успешно работает в интересах оккупационных властей. Такая поездка действительно состоялась с 1 по 7 августа 1942 года⁴⁴.

С учётом таких военно-политических реалий руководство СССР поставило перед специальными службами, осуществлявшими разведывательную деятельность, важную и ответственную задачу — выявлять военно-стратегические планы противника на всём протяжении войны. На Дальнем Востоке крайне важно было выявить стратегические планы Японии по отношению к СССР, поэтому разведывательные подразделения были нацелены «постоянно следить

за происками японской военщины в отношении Китая, Монголии и СССР», осуществлять «добывание политической и экономической информации по Японии, а также сведений о её сотрудничестве с Германией и отношениях с США и Англией»⁴⁵. Кроме этого, органам внешней разведки вменялись ряд специфических задач. От главного резидента НКВД СССР в Китае комбрига А.С. Панюшкина, в частности, требовалось «любой ценой удержать центральное правительство Китая на позициях активного сопротивления японской агрессии», своевременно освещать взгляды «китайского руководства в отношении Советского Союза и других держав», «следить за состоянием отношений Гоминьдана с Коммунистической партией Китая (КПК) и не допустить возможности гражданской войны», а также «не просмотреть возможность нападения Японии на нашу страну и создания второго фронта против нас на Востоке»⁴⁶.

Из подробных сообщений советской разведки руководство СССР заблаговременно знало о том, что в военные годы ни Гоминьдан, ни руководство КПК, занятые междоусобной борьбой, не помышляли об активном отпоре японцам. Позднее, весной и летом 1945 года, руководимые компартией войска также не предпринимали активных действий против японских оккупантов. 13 августа в разгар наступления советских и монгольских войск в Маньчжурии на собрании кадровых партийных работников в Яньане Мао Цзэдун прямо раскрыл суть своей позиции: «... Война сопротивления японским захватчикам, как определённый этап, уже миновала: новая обстановка и новая задача — это борьба внутри страны»⁴⁷. Ближайшей целью этой борьбы внутри страны лидер КПК считал борьбу за «плоды победы», одержанной союзниками Китая над Японией.

Всего же за 1941—1942 гг. по вопросу о том, начнёт ли Япония войну с СССР в ближайшее время, поступили свыше 30 сообщений, 15 из которых были направлены в критический период первых месяцев войны. В 1942 году в Токио разработали новый план нападения на СССР. Его замысел уже после войны, 16 сентября 1945 года, изложил пленённый офицер оперативного управления ГШ японской императорской армии подполковник С. Асаэда: «Если бы война на Тихом океане стала развиваться успешно для нас, а на Западе успешно для Германии, мы должны были бы начать войну на Севере, т.е. против Советского Союза и поскорей закончить мировую войну»⁴⁸. Японское руководство тогда ожидало исхода сражения на Волге. И фактически отказалось от планов нападения на СССР после Сталинградской битвы⁴⁹. Неспособность гитлеровских войск одержать стратегически важную победу продемонстрировала японскому руководству, что «период ожидания созревания хурмы» прошёл. После Курской битвы ГШ императорской армии впервые за всю историю своего существования приступил к составлению плана на 1944 год, в котором предусматривались только оборонительные(!) действия в случае войны с СССР⁵⁰. В апреле 1946 года это вкуче с поправкой на «неблагоприятную обстановку на Тихоокеанском фронте» в собственноручных показаниях признал и военнопленный бывший командующий КГВ О. Ямада⁵¹.

Задача по отслеживанию японского нападения на СССР не снималась советским руководством с внешней разведки вплоть до середины 1943 года, т.е.